

DOI: 10.31857/S032150750013626-0

ЖЕНЩИНЫ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ (к 100-летию Исхода Русской Черноморской эскадры в Бизерту, Тунис)

© 2021 Н. КРЫЛОВА

КРЫЛОВА Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, гл.н.с. Института Африки РАН (krylovanl@yandex.ru)

Резюме. Рассматривается гендерный аспект исхода 100 лет назад Русской черноморской эскадры в Тунис. Гендерная интерпретация хорошо известных и мало изученных источников и материалов направлена на выявление широкого спектра мнений по поводу роли женщины в истории эмиграции в целом, характера взаимоотношений мужчин и женщин как внутри самого эмигрантского сообщества, так и во взаимоотношениях с внешним миром. В статье использованы уникальные материалы «от первого лица» - воспоминания и интервью участников событий того времени.

Ключевые слова: Африка, эскадра, революционная Россия, гендерные исследования, эмиграция, русские женщины, эмигрантская семья, русская община, адаптация

WOMEN OF THE RUSSIAN SQUADRON (to the 100th anniversary of the Exodus of the Russian Black Sea squadron to Bizerta, Tunisia)

Natalia L. KRYLOVA, Dr.Sc. (History), Principal Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia (krylovanl@yabdex.ru)

Abstract. The article dedicated to the 100th anniversary of the Exodus of the Russian Black Sea squadron to Tunisia from revolutionary Russia examines the gender aspect of this historical event.

Gender interpretation of well-known and little-studied sources and materials, aimed at identifying a wide range of opinions about the role of women in the history of emigration from Russia in general, illustrates the nature of relationships between men and women both within the emigrant community itself, and in relations with the outside world.

Russian emigration to Africa is a gender-based approach to the study of this episode that allows us to better understand the true place of women in the phenomenon of emigration, since the array of Russian emigrants - wives, daughters, mothers, and sisters of compatriots who left the revolutionary homeland-is described and studied more modestly. At the same time, their place in the life of Russian communities and their role in the process of adaptation to the new environment are significant and deserve no less research attention.

The heroism and asceticism inherent in the nature of the Russian woman, innate nobility and culture were combined in the conditions of emigration with conscious and thoughtful efforts to preserve and protect the community that, due to circumstances, was subjected to the hardships of life in a foreign land.

The article uses unique materials "from the first person" - memories and interviews of participants of the events of that time. It is these sources that allow us to bring to the surface the nuances and touches of everyday reality that were "buried" under many heroic and dramatic versions of the same events.

Keywords: Africa squadron, revolutionary Russia, gender studies, interviews, African studies, emigration, Russian women, immigrant family, Russian community, adaptation

История исхода Русской эскадры в Тунис насчитывает 100 лет. Строго говоря, тунисская эпопея Русской императорской Черноморской эскадры сегодня широко изучена исследователями и описана публицистами, журналистами. И прежде всего, ее, так сказать, «мужская» версия, связанная с тунисской историей кораблей эскадры, профессиональными и гражданскими судьбами офицерского и матросского составов эскадры, оказавшихся в этой африканской стране.

В то же время массив русских женщин - жен, дочерей, матерей, сестер соотечественников, покидавших Севастополь в одиночку или вместе со своими семьями, скромно расположился за исследовательскими и публицистическими скобками. На самом деле их место в жизни русской общины Туниса, роль в процессе адаптации к новой - чужбинной - среде весьма значительны и заслуживают отнюдь не меньшего исследовательского и читательского внимания.

ГЕНДЕРНАЯ ВЕРСИЯ ИСХОДА ЭСКАДРЫ

Зимой 1920-1921 гг. 33 корабля с шестью с небольшим тысячами человек на борту последовательно вошли во французский тогда порт Бизерту. Это был последний поход Российского императорского флота (вскоре переименованного в Русскую эскадру), открывший первую страницу истории русской эмиграции в Тунисе [1, с. 11-12].

Число женщин и детей в составе эмигрантского корпуса эскадры к моменту прибытия в Бизерту, по разным подсчетам, колебалось от 637 женщин (и 223 детей) до 626 женщин (и 239 детей) [2; 1]. Спускаясь с

кораблей по окончании карантина, они - в одиночку и с семьями - рассеивались по тунисским беженским лагерям.

Согласно данным Александра Владимировича Плотто, свидетеля и историка Русской Эскадры, к 1 января 1922 г. на судах эскадры оставалось 700 человек офицеров и команды, в Морском корпусе, в лагерях и лазаретах - 1237, из них женщин и детей - 374 [3]. Кто-то покидал Бизерту в поисках более комфортной жизни на самом Африканском континенте (Алжир, Марокко), другие эмигрировали в Европу и Америку. В результате, к весне 1926 г. в Тунисе проживало 876 русских - 500 мужчин, 200 женщин и 176 несовершеннолетних детей [1, с. 17].

В своих воспоминаниях легендарная Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская, дочь Александра Манштейна, командира эсминца «Жаркий», восьмилетней девочкой попавшая в 1920 г. в Тунис и до недавнего времени остававшаяся единственной представительницей русских эмигрантов первого поколения в Бизерте [4], другие участники и очевидцы событий тех лет воссоздают яркую портретную галерею женщин-эмигранток.

Эти женщины самые разные по характеру и темпераменту - уравновешенные и энергичные, широко образованные, деловые и предприимчивые, умные, тонкие, нравственно и душевно чуткие и эпатажно колоритные. Их труд, их незаметное, порой броское, яркое, но зачастую незаменимое присутствие в условиях эмиграции создавали атмосферу комфорта, уюта, человеческого тепла - состояний, столь необходимых для выживания - физического и нравственного.

Эти устные истории, повести о жизни, биографический нарратив - живые свидетельства эпохи, где обретение новых территорий жизни, плодов скрещения цивилизаций исполнены не только яркими, радужными, но и драматическими и даже трагическими красками, отмечены горькими уроками отрыва от родных традиций, этнических реалий, столкновениями с проблемами другого мира и освоения в нем.

Информанты, с которыми мне, автору, довелось встречаться и беседовать в Тунисе, Марокко, Франции, также сохранили в памяти множество примеров их самореализации: женщины-врачи, сестры милосердия, жены, разделяющие с мужьями тяготы сельскохозяйственных работ, вдовы и дочери, принимавшие на себя управление магазинами, фермами и плантациями, преподавательницы беженских школ и гимназий, писательницы, поэтессы, певицы, музыкантши, хранительницы православных храмов и русских кладбищ. Но, прежде всего, жены и матери, самоотверженно пытавшиеся в непростых условиях жизни на чужбине исполнять многообразные роли хранительниц семейного очага, подруги, мужественно и терпеливо поддерживающие духовную и физическую жизнестойкость мужчин-изгнанников, собственными руками, *«из палочек и тряпочек создающие уют и красоту»* [4, с. 193].

БИЗЕРТСКИЕ БУДНИ: РАБОТАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Без сомнения, нельзя игнорировать все те трудности и тяготы, которые несла для русских аристократов, дворянок, интеллигенции, африканская жизнь.

«Что же делали эти дамы целыми днями?» - задается вопросом в своих воспоминаниях о жизни на эскадренном броненосце «Георгии Победоносце», переоборудованном под жилье для семей офицеров, сама Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская. *«Конечно, каждая прибирала собственную каюту, мыла посуду, стирала семейное белье, но все принимали участие в "общественных работах"». Помню еще, как отбирали горы камешков из чечевицы, и каждый день чистили овощи. Рассказывали, что Ольга Порфирьевна Тихменева, жена начальника штаба, срезала с картошки такую толстую кожуру, что ее пришлось определить на другую работу»* [4, с. 135].

Ту же оценку портняжных и кулинарных способностей русских дам Эскадры находим и в воспоминаниях В.И.Рыковой, подруги детства А.А.Манштейн-Ширинской, дочери командира ледокола «Илья Муромец», одного из 33 кораблей Русской эскадры, завершившей свою жизнь в Швейцарии: *«Постепенно мы приобретали вид босоногих бедняков, правда, одетых более чем живописно, потому что наши матери кроили и шили из любых подходящих кусков ткани, обнаруженных в узлах, сохранившихся со времени нашего изгнания. Часто получалось что-то невообразимое ... Они также старались научиться готовить, но обычно у них плохо получалось: ох, какие комки были в манной каше!»* [5, с. 151].

Работали ли русские женщины в Тунисе? По данным К.В.Махрова, которые относятся к первым годам жизни русских эмигрантов в Тунисе, примерно сотня женщин устроилась гувернантками и домработницами [2, с.17]. В интервью Манштейн-Ширинская рассказывала о своей матери, Зое Николаевне Манштейн, жене боевого морского офицера, потомственного дворянина, которая нанялась в Бизерте в домработницы [6, с. 52].

В воспоминаниях, путевых заметках и публицистике многих русских эмигрантов всплывают бередящие душу нюансы африканского быта российских женщин, особенно красноречивые в общем повествовательном контексте мытарств эмигрантского бытия: это история о нижнем солдатском белье и мыле в карантине, выдаваемом только дамам, размещавшимся в английском беженском лагере в Тель эль-Кебире, где про-

живало в то время немало женщин и детей из России [7, с. 11-12]. И о буднях беженского лагеря в Сфаяте, начинавшихся со стука швейных машин в дамских мастерских, где женщины шили мундиры для гардемарин и кадетов [7, с. 23]. И о том, что некоторые главы арабских и европейских семей (а также другие работодатели: владельцы магазинов, правительственные чиновники и т.п.) - воспринимали русских женщин, устраивающихся в услужение или на службу, легкодоступными только лишь потому, что те вынуждены покидать беженские лагеря в поисках работы по найму [8, с. 31].

«... В 1925 году еще, пожалуй, наши женщины работали в людях, - вспоминала в беседе со мной Анастасия Александровна. - Много работало в кинематографе, там по билетам рассаживали народ; другие работали сестрами в госпиталях - это же был военный госпиталь военной базы, а уже потом появились частные клиники... А в Тунисе больше еще. И очень много русских работало, ведь имели опыт работы сестры милосердия, потому что приехали из России, где была война и революция, и эти женщины были опытны»¹.

Многочисленные факты свидетельствуют: когда образованная на уровне дореволюционного русского общества женщина попадала в условия вроде тех, которые сложились для русской эмиграции в Тунисе, она делала то, что требуется в данный момент.

«Конечно, эти женщины были ко всему приспособлены, причем сразу, когда надо кормить семью и детей. Они гораздо лучше, чем мужчины, приспособились... Я могу сказать точно и определенно: всякая французская семья хотела, чтобы у нее русская работала... Потому что не только она терла пол, но когда ребенок не умел делать задачу на следующий день, так он не у мамы спрашивал, а у кухарки! И потом все в госпиталях хотели, чтобы за ними ухаживала русская сиделка, даже не доктор, а сиделка, чтобы правильно повязку поправляла, вежливо говорила, ласково относилась, потому что это был уровень людей, которые не привыкли хамить вообще. С ними легче иметь дело. Даже если она - кухарка. Но ведь она и кухаркой могла быть!...».

«Когда у женщины такой набор способностей и вообще знаний, и она понимает, что от нее хотят, то получается гораздо лучше, чем у профессионалки, которая привыкла упорно по своей подготовке делать так, и мышление которой очень трудно переменить. Я видела это по своей маме. Вечером она могла и нам помочь учиться, заглянуть, что мы делаем... Если мама и ходит уборщицей к кому-то убирать квартиру, то единственное ее желание, как можно скорее кончить свою работу и вернуться к делам у себя дома ... И потом, когда рядом живут люди разных классов - а здесь были очень простые люди - простые люди как раз и удивлялись: как это русские дамы умеют вдруг приодеться и один вечер танцевать мазурку, чтобы на следующий день снова быть сиделками и выполнять другие самые скромные работы?.. Мама говорила - мне совсем не стыдно. Найдите, чтобы какой-нибудь современный средний француз читал Флобера, а русские пытаются попасть в Карфаген, чтобы там увидеть место действия его произведений...»².

ДЕТИ В ЭМИГРАЦИИ: СВОИ И ЧУЖИЕ

Свойственные природе русской женщине героизм и подвижничество, врожденное благородство и культура сочетались в условиях эмиграции с сознательными и продуманными усилиями сохранять и оберегать то сообщество, которое в силу обстоятельств подверглось тяжелым испытаниям жизни на чужбине.

Взять хотя бы историю самой Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской, о которой она с присутствующим ей оптимизмом упоминала в своих публикациях и интервью: практически одна растила, воспитывала, давала образование троим собственным детям и племяннику, поскольку сестра ее редко бывала дома. Одновременно заботилась и о тяжело больном муже, и о престарелых родителях. *«Усилия мне нужно было делать необыкновенные. Все время»³.* И все эти навыки были родом из детства, из культуры семьи.

Круг забот женщин Эскадры не ограничивался чисто домашней хозяйственной деятельностью. В Тунисе в эмиграции оказалось много детей, которые пришли сюда с полными и неполными семьями. В воспоминаниях Анастасии Ширинской, в ее интервью особенно ощутима та прозрачность границ между семьями в эмигрантской русской общине в Тунисе, которая как-то очень отчетливо проступала, когда речь шла о детях. Дети - почти общие в опеке, в заботах о них. И еще одно интересное наблюдение нашей информантки: особое отношение вдовцов с детьми к детям-сверстникам в эмиграции: опека, обучение, коллективное чтение книг...

Анастасия Александровна вспоминает, с какой теплотой с каким вниманием и терпением к юным кадетам относились жены преподавателей и персонала корпуса, занимались с ними, заботливо опекали во время болезни, организовывали праздники, делали немудреные подарки, живя на «плавучем доме» ее детства, броненосце (или, как его за его новое гендерное предназначение прозвали острословы, «Бабаносец») «Гергии Победоносце», оборудованном к концу 1921 г. в настоящий город для семей военных. Там, наряду с

¹ Из интервью с А.А.Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2008 г. (интервью с автором здесь и далее выделены курсивом).

² Из интервью с А.А.Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2006, 2008 гг.

³ Из интервью с А.А.Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2008 г.

импровизированным жильем для семей, более похожим на некий плавучий пансион, по русскому «образу и подобию», почти сразу же были организованы зал для совершения молитвы (А.А.Манштейн-Ширинская называет его «*церковной палубой*»), общая столовая, танцкласс.

Осенью 1921 г. на «Георгии Победоносце» была открыта русская школа. И здесь женщины Эскадры играли далеко не последнюю роль. Школа на «Георгии» возглавлялась мадам Блохиной Галиной Федоровной, единственной в Эскадре профессиональной преподавательницей, окончившей Бестужевские педагогические курсы, женщиной «*строгой, но справедливой, обладавшей чувством меры и даром преподавания*»⁴. Среди же добровольных педагогов, обучавших детей в эмиграции, было много женщин, не всегда профессионалов, чья культура и добросовестность, однако, компенсировали неопытность.

Например, мадемуазель Ольга Рудольфовна Гутан (племянница адмирала Эбергарда, до 1916 г. командовавшего Черноморским флотом), преподававшая русский язык; совсем еще юная Кира Тихменева, преподававшая салонные танцы; мадам Плотто Евгения Сергеевна, дочь генерала Кульстрема, дававшая уроки фортепиано, и многие другие, о которых тепло говорят в своих воспоминаниях Анастасия Александровна и Александр Владимирович Плотто, внук генерала Кульстрема.

В итоге, дети получали разностороннее, полноценное образование, которое давалось им, как правило, людьми, которые, не будучи профессиональными педагогами, все же придерживались надежного, проверенного принципа воспитания - создавать интересы, соответствующие детскому миру.

Не задействованные в педагогическом процессе жены воспитателей и преподавателей создавали внутри эмигрантского сообщества разного рода общественно полезные структуры: мастерские, которые обшивали корпус гардемарин в Тунисе, читальни, а также хоры, оркестры, домашние театры. Все эти дамы вложили немало труда на пользу Морского корпуса. Мария Владимировна Кнорринг исполняла обязанности делопроизводителя канцелярии хозяйственной части. «Дамский Комитет» под руководством Глафиры Яковлевны Герасимовой, супруги вице-адмирала А.М.Герасимова, свою главную задачу видел в заботе о детях. «Как удавалось нашим мамам заготавливать костюмы, которые превращали нашу повседневную действительность в увлекательную сказку?» [4, с. 129-132].

Приводимые ниже портретные зарисовки нескольких женщин Эскадры - яркие, колоритные вкрапления социальной памяти эмигрантской повседневности, поведенной в автотекстах очевидцев, и одновременно живое воплощение пафоса обыденной жизни.

В своих интервью А.А.Манштейн-Ширинская всегда тепло отзывалась о сестрах Касаткиных: «*О Татьяне Степановне Ланге (урожденной мадемуазель Касаткиной) можно говорить без конца. Это была совершенно необычная, неординарная женщина. Очаровательная женщина. Женщина-энергия. Они в Александром Карловичем жили уже в столице, не в Бизерте. И она нашла себя! Свою большую квартиру деятельная Татьяна Степановна превратила в шляпный салон, который стал вскоре очень модным в Тунисе. И уехала в Париж стажироваться у мадам Молотковой - тоже русской эмигрантки, модной в Париже шляпницы, которая начинала свою карьеру у Кристиана Диора. Вот вам еще один пример правильно употребленной энергии в нашей эмиграции... У Татьяны Степановны была младшая сестра - Полина Степановна Суходольская, которая приехала в Тунис не с эскадрой, а из России в конце 20-х годов. Она была незаменима в русском приходе: кто-то заболел, другой умер, третьего нужно устроить в дом престарелых во Франции... Благодаря ей многие русские получили хоть маленькое, но пособие (на папиросы и транспорт). Люди с ее помощью получали документы от представителей ООН*»⁵.

Со временем Полина Степановна передала контроль за церковными делами другой русской бизертянке, Ирине Викторовне Мартино-Алардт.

«*Один из образов женщин Бизерты, который мне больше всего запомнился, вот, эта Вера Евгеньевна Зеленая. Потому что ее жизнь была очень тяжелая. Она была одинокая. Мы довольно часто к ней ходили детьми. Она жила в какой-то мансарде, где муниципалитет и галантерейный магазин, где служила кассиршей Ольга Рудольфовна Гутан. Как она оказалась на эскадре, я не знаю. Знаю, что она очень много любила рассказывать о своей молодости, потому что она училась в Италии, она очень любила пение бельканто, и она была регентом в церковном хоре. И значит, как она жила? Она продавала бисквиты, которые изготавливали в Тунизи, и она была посредником. У нее были клиенты, которые систематически к ней обращались. А она с трудом ходила, ковыляла, понимаете? И на нее смотреть было прямо больно, потому что она со своими этими кошелками, которые полные бисквитов, понимаете, ковыляла через всю Бизерту, чтобы раздавать эти бисквиты во всякие места.*

И все же самое главное, что, несмотря на такие затруднения в жизни, она очень усердно и много работала, чтобы держать этот хор достойно. В этом хоре главным образом пели мадам Бирюлева, мадам Купреева, Было, кажется, четыре-пять человек в хоре. Но она старалась выбирать такие очень эффектные песнопения. Светский хор она не организовывала. Только церковный...» «А днем ее можно было встретить на ули-

⁴ Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2008 г.

⁵ Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2006, 2007 гг.

цах Бизерты, где она, сгорбленная под тяжестью корзинок, набитых «русским печеньем» продавала его, разнося по клиентам»⁶.

Особым уважением пользовались в эмигрантских кругах врачи. Их благородная и бескорыстная деятельность в условиях подчас походных или попросту непригодных для лечения (палатки, бараки, а то и просто навесы под открытым небом), а тем более операций, была, пожалуй, наиболее востребованной.

В конце лета 1921 г. в Тунисе была разрешена практика русским врачам, дававшая им приличный заработок ввиду отсутствия хороших местных врачей. Среди них были и женщины. Одна из наиболее известных женских фигур - врач Людмила Сергеевна Монастырева, жена командира подлодки «Утка», редактора первого русского зарубежного журнала «Морской сборник» Н.А.Монастырева. Все годы эмиграции она занималась профессиональной деятельностью. После ликвидации Эскадры в конце 1924 г. в рамках программы помощи русским беженцам, Л.С.Монастырева получила предложенную французской администрацией работу в госпитале для местного населения в г. Монастир. Позже, в г. Табарка, Л.С.Монастырева стала главным врачом местного госпиталя, обслуживавшего коренное население. Она продолжала свою деятельность и в региональном госпитале, и в открытой ею поликлинике. Врачебная деятельность Л.С.Монастыревой была отмечена Медалью «Медаи Эпидеми», и Академической медалью - достойным признанием ее заслуг на медицинском поприще.

Имена других русских женщин-врачей, их работа в эмигрантских общинах часто всплывают в воспоминаниях Анастасии Манштейн-Ширинской: например, «"Зубодралки" Серафима Ивановна Запольская и Елена Николаевна Хомиченко... Они обе хорошо зарабатывали. Других врачей зубных здесь не было, потом приехал один мужчина, а это были женщины, к которым арабы присылали своих женщин на лечение. К мужчине они, может быть, и не послали бы их. Это плюс в их пользу... Сам Запольский попал в Бизерту с эскадрой в 1920 году вместе с Морским корпусом. И он был, так сказать, наставником, работал с кадетами Морского корпуса, а его жена, Серафима Ивановна - была «зубодралка». Дельная, точная, в строго обставленном кабинете, без снисхождения к самой себе...»⁷.

И Елена Николаевна Хомиченко - приемная дочь инженера-механика генерал-лейтенанта Попова Владимира Николаевича, занимавшего должность главного механика Севастопольского порта, прибывшего в Бизерту с Эскадрой: «Она была такая мягкая, эта Леночка, я предпочитала идти к Леночке, чем к Запольской, потому что Запольская никаких уговоров не слушалась. Но Запольская была безупречно чистая, все было вымыто, как надо, а у Леночки ... Чего только в этом кабинете не было! И пыль, конечно. Но люди предпочитали идти - и я первая - к Леночке: такое уж зубное дело, понимаете...»⁸.

У Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской, Александра Владимировича Плотто, Татьяны Борисовны Флоровой-Маретт сохранились воспоминания и о других женщинах Эскадры. Это очень натуралистично исполненные женские образы, некоторые из которых за неимением возможности здесь просто упомянуты в общем контексте женского присутствия в Тунисе.

С исполнения в 1921 г. мадам Бестержитской «Осенней песни» П.И.Чайковского началась жизнь Русского музыкального центра. Его сменил Русский клуб с его знаменитыми субботними вечерами. Русские пели и публично исполняли инструментальную музыку не только в Тунисе. Они давали свои выступления и в итальянском культурном центре Данте Алигьери, что, несомненно, служило укреплением отношений с местным итальянским населением. «Но все же надо было иметь для этого артистические способности, - говорила мне Манштейн-Ширинская. - Вот, мадам Плотто Евгения и мадам Калинович тоже, они были очень музыкальными, и зарабатывали на жизнь уроками пианино, а также играя в кинематографе по вечерам. Ирина Степановна Мартино пела по-итальянски в местной опере, и русские романсы прекрасно исполняла, когда собирались в Русском клубе...»⁹.

В русском эмигрантском сообществе, собравшемся в Тунисе, волею судеб, оказывались и те, кто профессионально занимался искусством, и гастролируя по свету, вынужденно оседал в этой стране. Среди них особенно была известна Мария Владимировна Флорова-Дебольская, балерина, танцевавшая до своей эмиграции в Мариинском театре. Вместе со своим постоянным партнером, а позже и мужем, Владимиром Христофоровичем Футлиным, Мария Владимировна открыла в Тунисе балетную школу, которая просуществовала здесь без малого 40 лет.

О них вспоминала внучатая племянница Марии Флоровой-Дебольской, Татьяна Борисовна Флорова-Маретт, жившая в Париже и сохранившая в своем домашнем архиве некоторые документы, связанные с личностью своей знаменитой родственницы: «О своей жизни они (Дебольская и Футлин - Н.К.) сами очень мало рассказывали... Их посылают в турне. Это было уже в 20-м году. И вот, они уезжают в Америку, в Канны, в Милан, в лучшие театры мира - труппа Большого и Мариинского. А тут 1924 год! Закрываются границы, и возврат в Россию невозможен! Они продолжают ездить, у них контракты, они выступают в парижских те-

⁶ Из интервью с А.В.Плотто, Франция, Фонтене су Буа, 2016 г.

⁷ Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2007 г.

⁸ Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2007 г.

⁹ Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2007 г.

атрах, заняты в разных балетах, на фестивалях... Потом начинается уже худовато, заработок утекает: турне - турне, а денег уже нет... И они начинают давать уроки балета. До этого они все время были в Алжире... Там русские были, и они сблизилась и затем основывают в Алжире балетную школу и еще выступают, когда есть контракты, но годы идут... В Тунис они попали в 1939 году, и скоро их школа стала очень популярна. Учили танцам и европейцев, и местных детей»¹⁰.

О дуэте Дебольской и Футлина вспоминает и младшая дочь А.А.Манштейн-Ширинской, Татьяна Аболен: «В конце каждого учебного года, устраивался отчетный спектакль в столичном театре, и было заметным местным событием»¹¹.

Завершить этот небольшой гендерный экскурс в эмигрантское Прошлое хотелось бы словами Анастасии Александровны: «Можно ли сказать, что среди русских женщин общины были выдающиеся женщины? Выдающиеся - видимо, все, смотря, какие глаза на нее смотрят, какие критерии предъявляются. Каждый день совершался подвиг. Как у Чехова доктор Дымов в его «Попрыгунье»»¹².

И еще - это настоящий гимн нескончаемому женскому терпению на долгом и драматичном эмигрантском пути, ода духовному богатству, гражданскому достоинству и глубокой православной культуре большинства русских эмигранток, молодых и старых, прибитых революцией к чужим берегам.

* * *

Послесловие. В 2019 г. был создан Координационный совет по подготовке и проведению памятных мероприятий, посвященных 100-летию Исхода эскадры Императорского Черноморского флота из Крыма и Севастополя, который сегодня мы называем «Русским исходом». В августе 2020 г. Российское военно-историческое общество и Россотрудничество подписали Соглашение о взаимодействии, была выработана общая концепция, а также проект плана мероприятий, которые планировалось посвятить этой дате.

Старт юбилейному марафону дала историко-просветительская конференция «Судьба Русской эскадры: корабли и люди», организованная в Санкт-Петербурге в ноябре 2019 г. Фондом сохранения исторического и культурного наследия им. А.А.Манштейн-Ширинской при поддержке Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и Центрального военно-морского музея.

Фото 1-2. На онлайн-конференция «Вклад российских соотечественников в развитие науки и культуры стран Средиземноморья». Севастополь, 14 ноября 2020 г.

Конференция собрала историков, краеведов, специалистов по истории флота и судостроения, сотрудников музеев и архивов, преподавателей учебных заведений, курсантов, коллекционеров. Прозвучала здесь и тема гражданских судеб женщин и детей, оказавшихся на Русской Черноморской эскадре в это тяжелое время, и прежде всего, истории жизни А.А.Ширинской - хранительницы наследия Русской эскадры.

В 2020 г. было запланировано множество мероприятий в Турции, Тунисе, Франции, Сербии, Болгарии, Китае и др. странах, посвященных этой дате. Пандемия COVID-19, охватившая многие государства планеты, нарушила, но не отменила планы организаторов, переведя встречи, мероприятия и конференции в онлайн-режим. Одна из них - Международная историко-просветительская онлайн-конференция «Русский исход: уроки истории» - состоялась 17 сентября в Москве в рамках совместного проекта учреждений правительства Москвы - Московского Дома соотечественника и Дома русского зарубежья имени А.Солженицына.

Именно крымской эпопее было суждено стать фактом не только военной, но и культурной, художественной, социально-психологической истории России. И эту дату участники конференции из Франции, Сер-

¹⁰ Из интервью с Т.Б. Флороой-Маретт. Париж, 2001 г.

¹¹ Из интервью с Т. Ширинской-Аболен Тунис, Бизерта, 2007 г.

¹² Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Тунис, Бизерта, 2008 г.

бии, Туниса, Болгарии, России рассматривали, прежде всего, через призму человеческих судеб, на которые повлияли трагические события Гражданской войны в России.

Хронику мероприятий, посвященных этой дате, продолжил Севастополь - город, откуда уходила зимой 1920 г. к чужим берегам Русская Черноморская эскадра. Севастопольский государственный университет при поддержке Российско-Тунисского делового Совета и правительства Севастополя организовал 14 ноября 2020 г. научно-практическую офф-лайн и он-лайн конференцию «Вклад российских соотечественников в развитие науки и культуры стран Средиземноморья» (см. *фото* 1 и 2).

Главной темой конференции стали события Русского Исхода. И дата проведения конференции была выбрана не случайно. Именно тогда, 100 лет назад, практически завершилась эвакуация русской армии и мирного населения на кораблях Черноморского флота из Крыма и Севастополя.

Историки и политологи, общественные деятели и литераторы, потомки тех, кто вынужден был покинуть Россию в те годы, обсуждали вклад российских соотечественников в развитие культуры, науки и образования Туниса. Это наследие, отмечали участники конференции, одновременно и неотъемлемая часть национального достояния России, пример для сплочения, консолидации всего российского общества, людей, радеющих за судьбу страны.

Литература

1. Русская колония в Тунисе. М., 2008.
2. Люди Русской эскадры. М., 2015.
3. Личный архив А.В.Плотто (фонд не описан).
4. Анастасия Ширинская. Бизерта. Последняя стоянка. СПб, 2003.
5. Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. М., 2012.
6. Крылова Н.Л., Прожогина С.В. Женщина и Чужбина. Серия «Гендерные исследования». Т. 8. М., 2007.
7. Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002.
8. Российская диаспора в Африке. 20-50-е годы. М., 2001.

References

1. Russian colony in Tunis 1920-2000. Moscow, 2008. (In Russ.)
2. People of the Russian squadron. Moscow, 2015. (In Russ.)
3. Personal archives of A.V.Plotto (the fund is not described). (In Russ.)
4. Anastasia Shirinskaya. Bizerte. The last Parking lot. SPb, 2003. (In Russ.)
5. Bizerta's Autographs. Diaries. Memories. Reflections. Moscow. 2012. (In Russ.)
6. Krylova N.L., Prozhogina S.V. 2007. A woman and a Stranger. Series "Gender studies". Vol. 8. Moscow. (In Russ.)
7. Africa through the eyes of emigrants. Russians on the continent in the first half of the 20th century. 2002. Moscow. (In Russ.)
8. Russian Diaspora in Africa. 1920-1950 years. Moscow 2001. (In Russ.)